

‘позабыть, упустить из памяти’ [Ушаков 1935: 798].

Кроме использования отдельных слов самих по себе, Андрей Белянин использует устаревшие слова в сочетании с современными словами — например, «участковый воевода» или «воевода милиции». Привести можно такой пример:

– *А ну пропусти, сиволапый! У нас цареве дело.*

– *Обождет, – невозмутимо отвечал бас верного Митяя, – батюшка воевода милиции еще завтракать изволят* [Белянин 2001].

Все эти и многие другие приемы позволяют создать особый колорит царской Руси и передать его в доступной для современного читателя форме. Наши исследования показали возможность сочетания современной лексики и устаревшей лексики вместе с просторечиями в рамках одного произведения и постоянное обращение современных авторов к истории нашей страны и ее реалиям.

Список литературы

Белянин А. Тайный сыск царя Гороха / Андрей Белянин. – М. : Армада ; Альфа-книга, 2001. – 302 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 944 с.

Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 3-е. – Том III : П-Р. – М. : Русский язык, 1987. – 752 с.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. 1 : А – Кюрины. – М. : Советская энциклопедия ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935. – 1562 стб.

Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. – 703 с.

«СМЕРТЬ – ЭТО ШОКОЛАДКА... ШОК ОКОЛО АДА!»

А.К. Калабергенова

*Научный руководитель: А.М. Казиева,
доктор филологических наук, профессор (ПГЛУ)*

Яркость и своеобразие таланта Елены Зейферт, имеющего кардинальный самобытный характер, стали для многих ее современников отправной точкой в личностном и творческом самоопределении. Талант Е. Зейферт многогранен. Поэт, прозаик, редактор, филолог, критик, она — не только автор стихов, сказок, юморесок, детской прозы, рассказов, но и переводчик шедевров мировой и русской литератур.

Мир Е. Зейферт предстает как бинарная система вещей и явлений:

«Ты – я» – это не «ты плюс я»,

Не ты, мне равное по силе,
 По измереньям бытия,
 По тяге и размаху крыльев.
 «Ты – я» делить уже нельзя.
 «Ты – я» делимо лишь для Бога,
 Ты – моя верная стезя,
 Я – твоя лучшая дорога... [Зейферт 2002: 41]

Бог и человек.
 Сила и нежность.
 Весна и снег.
 Обновление и уход.
 Чаша терпения и полная чаша.
 Вечность и тлен.
 Основа и хрупкость... [Зейферт 2009: 93].

Обращаясь к мысли о дуалистической природе вселенной, нашего мира и человека, Е. Зейферт улавливала в сочетании двух противоположных начал некую гармонию:

я целую ее
 губы ее слаще шоколада
 она уже знакома со смертью
они вместе пили шоколадный коктейль
 я третий лишний [Зейферт 2002: 31].

Мир двойственен и обманчив, и эта двойственность и обманчивость начинается с самих людей. Только в мире грез и мечты, в духовном соприкосновении с чудным миром Небесного Царства, человек преображается, очищается от всего наносного и лживого и принимает истинный свой богочеловеческий облик:

Мой зрачок – чужеземец... [Зейферт 2002: 42]

Вот я княжна –
 без всякого спору.
 Или – сильна,
 размерами с гору:
 Мир, как струна,
 мне в самую пору.
 Вдруг – мала,
 с горошинку ростом... [Зейферт 2002: 63]

Впрочем, двойственность присуща не только человеку (душа и тело), но и его душе. Еще в древности, в орфико-пифагорейском учении, возникла идея о том, что душа каждого человека разделена на две части: мужскую и женскую (Эрос – *animus* и Психея – *anima*). Именно этим феноменом и объяснялось таинство разнополой любви – любовь рождается только в тех душах, в которых женская часть души супруга

соответствует его жене, а мужская часть супруги – мужу. Ибо любим мы вторую часть самих себя, лишь отталкиваясь чувствами от внешнего образа любимого человека.

Теперь ты – Я. Твоя душа во мне... [Зейферт 2002: 39]

Платон, следуя традиции орфико-пифагорейского ордена, также отмечает дуалистическую особенность человеческой души, но снимает акценты с проблемы, связанной с мужским и женским аспектами, воплощенными в одной душе. Двойственность души он объясняет другими причинами, прибегая при этом к созданию собственного мифа о душе. В «Федре» он уподобляет ее «соединенной силе крылатой парной упряжки и возничего». Возничий (разум) управляет колесницей, запряженной двумя конями. Один – прекрасен и благороден, олицетворяет собой высокие чувства, другой – его противоположность и олицетворяет собой низкие страсти. Именно такой представлена наша душа, одна часть ее тянется к добру и свету, другая – причастна злу, «всей тяжестью тянет к земле». Управлять разуму такой упряжкой-душой достаточно сложно. Но такова человеческая природа.

Подобной двойственностью наделена душа героини Зейферт:

Ты мой глоток бесценной влаги,
Ты сгусток психики моей,
Что отражается в бумаге,
Как в зеркале души своей [Зейферт 2002: 77].

...Две души истомились в груди... [Зейферт 2002: 176]

Амбивалентность души возлюбленной раскрывается в контрастах цветов:

Белое личико шоколадные волосы
карие глаза горячие руки... [Зейферт 2002: 45]

Бабушки с *черными-черными* косами,
Предки отца – все русоволосые?...
...Черный зрачок и зеленая радужка? [Зейферт 2002: 119]

Бинарная оппозиция «белый/черный» близка по значению платоновским белым и черным коням, олицетворяющим две части души:

Герой – слепец с раздвоенной душой... [Зейферт 2002: 82]

...Среди моих зеркальных отражений
Есть девочка – невеста и жена.
И мой близнец она, и искажение... [Зейферт 2002: 23]

Эти строки достаточно точно отражают взгляд христианского мыслителя на человеческую душу, в которой изначально заложены

противоречия, вступающие между собой в постоянную борьбу.

Я не хочу жить
В этом глупом, убивающем себя теле,
С этим слепым глупым сердцем! [Зейферт 2002: 94]

Лирический герой стихотворения Зейферт ощущает свое одиночество в этом мире и тоску по другой жизни, подобно платоновским душам, вспоминая сияющую красоту, которую они созерцали в чистом виде: «Прозрачность век и хрупкость синевы,/ И красота суровой, хладной ели...» [Зейферт 2002: 69].

В ее творчестве прослеживаются и другие мотивы, идущие от платоновских мифов. Например, мотив «злой судьбы» («Исчадье ада.../ /Керамика не думала о злой судьбе...» [Зейферт 2002: 22]) переходит в мотив земной жизни, а затем смерти как сна:

Смерть тоже сон, только легкий... [Зейферт 2002: 99]

Сновидный, нереальный характер нашей жизни отражается во всем творчестве Зейферт.

сон склоняясь в предложном скорее похож на снег
плавкий и незаконченный ангелов перистых пот...
что стекая на землю становится легче пера... [Зейферт 2002: 39]

слово «солнце» рождаясь сначала звучит как сон
и волнуются в дреме стога светло-рыжих ресниц... [Зейферт 2002: 58]

Примечательно, что в одном из самых мрачных по настроению стихотворений – «Приговор», – помимо мотива жизни-смерти, появляется еще один мотив, связанный напрямую с мифом о перерождении:

...Сердце разлюбило и **вновь влюбилось**... [Зейферт 2002: 89]

Зейферт следует платоновским традициям, утверждая призрачный характер земных явлений. Однако и среди этих теней, ее окружающих, она ищет родственную душу, способную подняться над призрачным миром.

Крылья – вширь, и – поверх голов –
Станем, делая тысячный круг, мы... [Зейферт 2002: 30]

Тонкие крылья твоего носа –
Летучие голландцы,
Они всегда устремлены в бесконечность...
Знаешь ли ты, где дом, а где рифы?...
Или твой дом стоит на рифах?... [Зейферт 2002: 71]

Жизнь человека, попавшего под власть ложных истин и желаний, законов и правил, житейских забот и волнений, ограничивает свободу,

калечит.

...я видела смерть это шоколадка
я медленно разворачиваю
фольга шелестит
этот звук задерживает меня здесь
не дает сосредоточиться на смерти
фольга это металлическая бумага оксюморон
я надкусываю шоколад вместе с бумагой
он режет губы
кровь коричневая сладкая... [Зейферт 2002: 36]

у нее диабет сложная форма... и главное рак
Строгая диета? облучение? [Зейферт 2002: 37]

шок около ада —
мой кол
мое око
моя школа жизни
моя шкала ценностей [Зейферт 2002: 38].

Таким образом, для Е. Зейферт античность стала тем фундаментом, на котором поэт возводит все свое творчество, раскрывая фантасмагорический характер модели любви и жизни.

Список литературы

Зейферт Е.И. Малый сборник. Стихи и проза / Елена Зейферт. — Караганда : Санат, 2002. — 136 с.

Зейферт Е.И. Веснег. Стихи и переводы / Елена Зейферт. — М. : Время, 2009. — 208 с.

МИФОСОЗЕРЦАНИЕ, МИФОПОНИМАНИЕ И МИФОТВОРЧЕСТВО

А.К. Калабергенова

*Научный руководитель: А.М. Казиева,
доктор филологических наук, профессор (ПГЛУ)*

Поэзия Елены Зейферт — яркое явление XXI века, одним из главных направлений ее ментальности явилось неомифологическое мышление. Для художников с мифологическим типом мышления, к числу которых относится и Е. Зейферт, искусство становится формой постижения мира и его сотворения по образу и подобию творчества демиурга-Бога.

В народных мифологических представлениях, в ритуальной сфере и в словесном творчестве намечается осознание грани между этим и тем светом, равно реальными и сосуществующими мирами. В стихотворении